

...Вот они бредут по бесконечным ирландским графствам — слепой Мартин и слепая Мэри, неразлучные счастливицы, помешанные на собственной красоте. Знали бы они, какие на самом деле. Что за шум? Разгоряченная толпа выкрикивает их имена. Скорей, Доулы, в наших краях объявился Святой, который может вас исцелить. Сухой, высокотемпературный, он произнес ритуальные фразы, завел сначала Мартина, потом Мэри в церковь, и они вышли оттуда, впервые созерцая мир. На крошечной сцене, в двух шагах от зрителей разворачивалась притча об испытании прозрением. Впервые на отечественном театре материализовалась пьеса ирландца Джона Синга «Источник святых»...

ее... в банк, на свое освободившееся место. (Никогда не знал, что можно прийти в банк и освоить, не имея специального образования, работу). Цишковская идет. Осваивает. За семь лет становится профессионалом и направляется в аспирантуру. Здравствуй, новая жизнь! Будет Людмила Алексеевна человеком ученым, кандидатом экономических наук.

— Значит, бухгалтер нужен. Интересно, как это будет звучать: «Главный бухгалтер театра-студии «Торикос»...

Вот оно, поворотное событие, мгновенное решение — остается! Распакованы чемоданы. Уведомлен муж, причем обрадован, значит, Людмила никуда не поедет, вся ее работа — спуститься со своего эта-

«Медя» современного автора Л. Разумовской, трактующей древнегреческий миф о колхидской волшебнице с позиций человека нашего века; «Драматические вариации» по Достоевскому, соединяющие огромное количество отрывков, фрагментов, отдельных реплик из текстов писателя; одноактная комедия Р. Андерсона «Дорогая, я не слышу, что ты говоришь, когда в ванной течет вода» из жизни американского театрального закулисья; «Источник святых», с которого я начал.

Интересны все работы. Играть с очевидной самоотдачей, содержательно, плотно, со столь понятным желанием предъявить свой сценический опыт, доказать свое «Я». Первое, что вызывает определенное несогласие, — этот их опыт. Людям, по двадцать лет отслужившим, как говорили раньше, «на казенной сцене», понятно, никуда от него не деться. Уже в крови и выразительный жест больших подмостков, и интонации тренированных голосов. И все это нужно как бы забыть. Предстоит освоить принципиально новый способ сценического существования, по сути, родиться заново.

И второе. Организация самого спектакля, его философия. Сейчас многое держится на актерской органике как таковой. Тяжелое дело общей постройки берет на себя Анатолий Слюсаренко, виртуозный актер.

Эти два обстоятельства, к счастью, осознаются в молодом коллективе. Здесь вообще трезвы в самооценках, чужды всякой амбициозности.

Самое цельное впечатление — от «Источника святых». И прежде всего потому, что обращение к сложному, непоставленному автору вовсе не сковало создателей, а продвинуло за пределы сингловской проблематики. Прозревшие супруги Доулы (Э. Мировская, В. Костоусов) не выдерживают испытания. Увидев некрасоту друг друга, они безобразно, скандально, с ненавистью расстаются. Потрясение столь сильно, что вновь лишает обих зрения. Они более не хотят ничего видеть, предпочитая остаться во тьме.

Эту синговскую коллизию «Торикос» развивает неожиданно сильным решением образа Тимми-кузнеца (А. Фоменко). Да, он груб, прямолинеен, особой деликатностью в суждениях и действиях не отличается. Но он соприроден этой земле, стихиям. Вот тут и проложен в спектакле главный спор: что гуманнее — жить иллюзиями, отшатнуться от трудных земных вопросов или все же найти в себе мужество и принять жизнь такой, какая есть, с ее великими страданиями, маленькими радостями, болями и печалью?

Будем мерить этим спектаклем притязания «Торикоса» на сегодняшний день. С первых шагов заявлен очень сложный уровень разговора. Это, повторяю, опасно, но это единственный путь сохранения достоинства искусства в наше время.

Ну как, товарищ директор, не слабо?

Наблюдаю за ней четыре вечера — как разговаривает по телефону, отдает распоряжения шоферу о бензине, держит в уме билетное хозяйство, следит за зрителями. И думаю: на сцене, доведись ей играть, что бы она была за актриса, на какие роли? Несомненно, социальных героинь.

Все эти годы она дальше и дальше отодвигалась от театра. Но в один прекрасный день сам театр пришел под ее балкон, как идальго, и потребовал сойти к себе.

Недавно ездила в Ленинград, виделась со своим стенограммистом режиссером Вадимом Жуком (сейчас руководитель театра «Четвертая стена»). Он ничему не удивился, сказал только: «Я знал, что ты этим кончишь».

Нет-нет, это не конец, это начало. «Торикос» начинается.

А. КОЛЕСНИКОВ.

(Наш корр.)

Геленджик.

ИДАЛЬГО И ЛЮДМИЛА,

или «Роль судьбы» в жизни женщины

Людмила Цишковская — персонаж внесценический, действующий в реальной жизни. Хаос забот с нервотрепкой, оголтелой каруселью банковских счетов, телефонных переговоров, из которых рождается сейчас театр-студия «Торикос» в Геленджике. Черная работа организации творчества нам не видна. А здесь есть мастера первоклассные, особого рода художники. Художники поступка и действия.

— «Торикос», «Торикос» — это что-то греческое. Это же древнее название Геленджика! — Людмила Цишковская, без пяти минут аспирантка Московского финансового института, на минуту отрывается от чемоданов. — А что хочет этот «Торикос»?

Оказалось, намерения самые серьезные. Несколько профессиональных актеров, благополучных, не обделенных ролями, поверили своему энергичному коллеге Анатолию Слюсаренко (его родина и есть Геленджик) и переехали сюда с семьями, детьми, чтобы основать хозрасчетный коллектив. Но обо всем этом ей станет известно позже, а пока — коротенькое сообщение в газете: приглашаем опытного бухгалтера.

— Ах, бухгалтер нужен, — продолжает размышлять Людмила. Что-то далекое-далекое, почти забытое кольнуло память.

Родители — горные инженеры и, сколько помнит их, все по громким призывам мчались то на Солигорское, то еще на какое другое месторождение. А у дочери зародилась любовь к театру. Решила податься в театральный. Не позволил отец. Наказал ехать в Ленинград, в горный институт, а поступать, куда только парней принимают, — на маркшейдерский факультет. Пугающее немецкое слово это обозначает специальность горного инженера, человека выносливого, мужественного.

Поступила, хотя брать не хотели, и проучилась чуть ли не одна-одинешенька в кругу горных мужиков. Была и радость: сначала СТЭМ, а потом мужа встретила, геолога морского дна. Диплом защищала — уже ребенка ждала. Но закончила с отличием и переехала к мужу в Геленджик. Еле устроилась геодезистом. Вспоминает из той поры, как давали ей в дорогу одного алкаша, тот плелся с рейкой и спрашивал: слушай, а сколько тебе платят? Сто тридцать, отвечала. Провожатый взывал от ужаса и утверждал, что и за двести пятьдесят бы работать не стал.

Вдруг откуда ни возьмись является подруга, окидывает взглядом пейзаж, говорит, что та сошла с ума, и направляет

жа и пройти через двор. Мальчишки под присмотром будут. Уведомлена и начальница банка — шок: Любочка, что все это значит? Куда же ты?

Сюда, сюда, в этот «богемный» подвал! Прости, отец, простите, люди добрые, не держите. Ухожу!

Так «Торикос» обретает директора. Да, да, искали бухгалтера — нашли директора. Так случилось, что самое дело выделило Людмилу, обнаружило ее лидерство. Опыт административной работы в банке соединился с романтическим влечением к сцене. Заполучить мощных спонсоров — известное объединение «Южморгеология», местную «Сельхозтехнику» (это их помещение арендует театр), поставить под свои знамена горисполком, горком КПСС, другие организации — тут, конечно, надо было поработать.

Идет трудное формирование уставного фонда, плохо с деньгами; по-прежнему ничего путного нельзя купить по наличному расчету; пока действует затратный механизм. Но!

Но главная сложность существования театра — в самом контексте геленджикской жизни. Это не только не театральный город, но город со своей спецификой. Не так давно мелькал он в уголовной хронике, обращая внимание всей страны то на некую «железную» женщину, взявшую взятку столько, что суд приговорил ее к расстрелу; то на уголовника — первого секретаря горкома партии, ее пособника, который, как запахло разоблачением, исчез, «яко дым от огня», и до сих пор его ищут чуть не на дне морском. То есть это город тяжелого духовного наследия, развращавший людей годами и только-только начавший выздоравливать. Процессы наметились, тронулись. Но когда наблюдаешь среди бела дня в центре, на набережной, панкующих девок, кидающихся друг на друга, как стайки пираний («Иди сюда, горилла, я тебя раздери...»), то понимаешь, как далеко еще до культурной революции. Судьба театра в этой атмосфере необычайно сложна, даже опасна.

Чем обеспечена в профессиональном, содержательном плане работа «Торикоса» сегодня?

Принципиально неудобное для театра помещение — длинный коридор — превращено фантазией создателей и молодого художника Александра Завалия в настоящее художественное пространство. Тут, помимо зала на семьдесят мест, есть и фойе, оно же картинная галерея.

«Торикос» начинается четырьмя (!) сценическими работами: